

ОЧЕРКИ ПО РУССКОМУ АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.

1. О русском малоземеліи.

Характернѣйшей чертою, рѣзко отличающей земельно-хозяйственныя отношенія нашей Родины отъ всѣхъ остальныхъ государствъ цивилизованнаго міра — является своеобразное распредѣленіе земельной площади между различными категориями владѣльцевъ.

По моимъ вычисленіямъ на 1 января 1916 года площадь *частнаго* землевладѣнія въ Европейской Россіи *) составляла 234.258.000 десятинъ, т. е. 63,33% всей земельной территоріи Евр. Россіи. Земли *публично-правового* владѣнія составляли площадь около 150.000.000 десятинъ; но подавляющая масса ихъ находилась подъ лѣсами и свыше 27.000.000 десятинъ было подъ тундрами. За вычетомъ лѣсовъ и неудобныхъ земель, отъ всей площади публично-правового владѣнія оставалось всего 10.497.000 десятинъ, годныхъ для сельскаго хозяйства **) , т. е. всего 5,5% сельскохозяйственной территоріи, находившейся въ рукахъ *частныхъ* владѣльцевъ.

Насъ будутъ интересовать здѣсь земли *частнаго* владѣнія. При этомъ подъ *трудовымъ* (крестьянскимъ) владѣніемъ мы будемъ подразумѣвать участки до 50 десятинъ ***). Такіе участки, какъ показываетъ статистика, обрабатываются при русскихъ хозяйственныхъ условіяхъ (по общему правилу) *трудами хозяина и его семьи, безъ обращенія къ наемному труду*. Вла-

*) Въ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Финляндіи и Польши. Въ этихъ очеркахъ я вообще имѣю въ виду дореволюціонную Россію.

**) Изъ этихъ 10 497 362 десятинъ *публично-правового* владѣнія, пригодныхъ для сельскаго хозяйства, принадлежало: *государству* и *удѣламъ* 3 693 426 дес.; *монастырямъ* 739 777 дес.; *церквамъ* 1 871 858 дес.; *городамъ* 2 042 570 дес.; *Крестьянскому банку* 2 149 731 дес.

***) Эта квота не одинакова для разныхъ странъ. Въ странахъ съ интенсивнымъ земледѣліемъ она будетъ, конечно, ниже — до 40 и 20 гектаровъ.

дѣнія же и хозяйства свыше 50 десятинъ — мы будемъ называть *капиталистическими*, ибо для обработки такихъ участковъ труда хозяина и его семьи *недостаточно* и приходится *прибѣгать къ наемному труду*.

Обращаясь къ землямъ частнаго владѣнія, мы видимъ, что въ рукахъ трудовыхъ хозяевъ (крестьянъ) было всего 165.786.000 десятинъ, а въ рукахъ капиталистическихъ владѣльцевъ было всего 68.472 000 десятинъ. Въ эту послѣднюю сумму включены земли владѣльцевъ *всѣхъ* категорій: и дворянъ, и купцовъ, и почетныхъ гражданъ, и лицъ крестьянскаго сословія (свыше 50 дес.), и акціонерныхъ компаній, и иностранцевъ и т. д. Такимъ образомъ изъ общей площади *частнаго* землевладѣнія (включая и *лѣса*) на долю *трудового* владѣнія приходилось 70,77%, а на долю капиталистическаго 29,33%.

Но такъ какъ насъ интересуютъ преимущественно земли *сельско-хозяйственнаго* значенія (т. е. за исключеніемъ *лѣсовъ*), то для нихъ исчисленіе будетъ иное. Если исключить *лѣса* изъ капиталистическаго владѣнія (26.704.000 дес.) и изъ трудового-крестьянскаго владѣнія (11.057.000 дес.), то земель *сельско-хозяйственнаго* значенія окажется: въ капиталистическомъ владѣніи 41.768.000 дес., а въ рукахъ крестьянъ 154.729.000 дес. Иными словами: изъ *всей* территоріи сельско-хозяйственнаго значенія (196.497.000 дес.) на долю трудового-крестьянскаго землевладѣнія приходилось 79%, а на долю капиталистическаго 21%. Если же исключить Прибалтійскій и Сѣверо-Западный районъ *), то для *чисто-русскихъ* районовъ общая площадь земель сельско-хозяйственнаго значенія опустится до 173.556.856 дес.; изъ нихъ на долю крестьянскаго землевладѣнія придется 139.549.549 дес., а на долю капиталистическаго 34.007.307 дес. Такимъ образомъ, въ чисто-русскихъ областяхъ процентъ крестьянскаго землевладѣнія достигалъ 80,4%, а процентъ капиталистическаго — доходилъ до 19,6%.

Итакъ *четыре пятыхъ* всѣхъ земель сельскохозяйственнаго значенія Европейской Россіи, находившихся въ частномъ владѣніи принадлежало крестьянамъ и лишь *одна пятая* часть — капиталистамъ всѣхъ сословій, званій и видовъ.

Это — первая и основная черта русскихъ земельно-хозяйственныхъ отношеній.

*) По наименованію офціальной статистики довоеннаго времени.

Чтобы оцѣнить значеніе этой процентной величины надо сопоставить ее съ соотвѣтствующими данными для другихъ странъ.

Такъ, въ *Германіи*—земли, находящіяся *подъ капиталистическою обработкою* *) составляли въ 1907 году 51,5% всей площади сельско-хозяйственнаго значенія (т. е. за исключеніемъ лѣсовъ); а въ крестьянскомъ пользованіи было всего 48,5%. Въ Пруссіи у капиталистовъ было 59,4%, а у крестьянъ 40,6%. Изъ 26 государствъ, входящихъ въ составъ Германіи, только 3 государства даютъ процентъ площадей капиталистическаго хозяйства меньшей, чѣмъ процентъ капиталистическаго землевладѣнія въ Россіи въ цѣломъ **) (а именно: Вюртембергъ — съ 19,6% площади капиталистическаго хозяйства; Бадень — съ 12,2% и Гессень — съ 14,5%). Въ Пруссіи нѣтъ ни одной провинціи съ процентомъ капиталистическаго хозяйства ниже 20,88% (маленькій Гогенцоллернъ; провинція Гессень-Нассау—дастъ 22,42%. Рейнская провинція—23,52% и т. д.). Для шести восточныхъ провинцій Пруссіи (въ среднемъ) площадь подъ капиталистическими хозяйствами достигаетъ 65,5%; для семи западныхъ провинцій (промышленныхъ) — 46,61%. У насъ ни одинъ районъ не давалъ такого высокаго процента для площади капиталистическаго владѣнія ***).

Во *Франціи* — площадь земель, находящихся подъ хозяйствами, превышающими 40 гектаровъ (= 36,3 десятины) составляла въ 1892 году 45%; а во Франціи очень развиты арендныя отношенія и многія крупныя крестьянскія хозяйства основаны на землѣ, арендованной у крупныхъ владѣльцевъ: очевидно, площадь крупнаго капиталистическаго владѣнія

*) Т. е. обрабатываемыя при помощи наемнаго труда. Надо замѣтить, что часть земель крупнаго владѣнія въ Германіи сдается въ крестьянскую (трудовую) аренду и по германской сельскохозяйственной статистикѣ 1907 г. она числилась подъ трудовыми крестьянскими хозяйствами. Изъ этого видно, что въ Германіи подъ капиталистическими владѣніями земли больше, чѣмъ 51,5%; ибо этотъ процентъ показываетъ не количество владѣмой земли, а способъ ея дѣйствительной обработки (съ примѣненіемъ наемнаго труда).

**) Попрежнему въ границахъ 1914 года, за исключеніемъ Польши и Финляндіи.

***) См. подробнѣе мою книгу «Основные тенденціи в мобилизации земельной собственности и ихъ соціально-экономическіе факторы». Прага, 1925, стр. 307 и слѣд.

значительно больше 45%, т. е. *многимъ больше, чѣмъ въ Россіи* *).

Бельгію принято считать страной съ наиболѣе измельченнымъ землевладѣніемъ. «До сихъ поръ свѣдѣнія о числѣ земельныхъ собственниковъ», говоритъ Rowntree, «собирались въ каждой изъ 2.627 общинъ (*communes*) въ отдѣльности и эти данныя посылались ежегодно въ центральное статистическое учрежденіе. Числа земельныхъ собственниковъ, полученные отъ отдѣльныхъ общинъ *суммировались* и *итога* опубликовывался бельгійскимъ правительствомъ въ оффиціальныхъ статистическихъ ежегодникахъ, какъ данныя о числѣ земельныхъ собственниковъ въ Бельгіи». Между тѣмъ землевладѣніе въ Бельгіи крайне разбросано очень мелкими кусками (даже 1 гектаръ и меньше) и «земельные собственники въ Бельгіи имѣютъ землю *нерѣдко* въ двадцати, тридцати, сорока, даже сотнѣ и болѣе коммунъ. Такимъ образомъ, въ указанныхъ статистическихъ ежегодникахъ, земля, принадлежащая одному лицу, владѣющему, скажемъ, по одному акру въ двадцати различныхъ коммунахъ, считалась бы, при описанномъ способѣ исчисленія, за двадцатью различными собственниками, владѣющими каждый по одному акру». Между тѣмъ какъ передъ нами былъ бы *одинъ* собственникъ, владѣющій двадцатью гектарами **).

Не будемъ касаться причинъ, создавшихъ такое своеобразное положеніе въ Бельгіи, въ которой развито арендаторское, преимущественно продовольственно-трудовое хозяйство. Rowntree попытался объединить эти разбросанныя владѣнія и оказалось, что площадь земли, находящейся въ собственности у лицъ, владѣющихъ участками до 20 гектаровъ, составляетъ 38,05% всей земельной площади частнаго землевладѣнія безъ лѣсовъ. Если мы отнесемъ ихъ къ категоріи трудовыхъ владѣній, то на долю капиталистическаго землевладѣнія въ Бельгіи придется 61,95%.

Sapienti sat!

Передъ нами несомнѣнный фактъ величайшаго значенія. Ясно, что *государства европейскаго континента раздробили*

) Французскія данныя включают и лѣсную площадь. Выше мы видѣли, что со включеніемъ лѣсовъ земли капиталистическаго владѣнія въ Россіи достигали 29,33%.

**) В. Seebohm Rowntree „Land and Labour. Lessons from Belgium“. London 1910. p. 44—45.

свою землю въ значительно меньшей степени, чѣмъ это сдѣлала Россія до революціи. Я не говорю уже объ Англіи и странахъ Новаго Свѣта ^{*)}). Я не касаюсь также и Сибири, этой страны почти исключительно *крестьянскаго* землевладѣнія (наряду съ землями публично-правового владѣнія)...

Читатель согласится со мною, что приведенныя данныя позволяютъ уже сдѣлать заключеніе, что въ *Россіи до революціи земель капиталистическаго владѣнія въ процентномъ отношеніи было меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ міра*. Я знаю, что этотъ фактъ противорѣчитъ общераспространенному взгляду на Россію, какъ на страну «преимущественно крупнаго землевладѣнія», — и все же это фактъ несомнѣнный! Въ Европейской Россіи $\frac{1}{5}$ всей сельскохозяйственной площади принадлежало передъ революціей крестьянству, также какъ и почти вся частновладельческая земля въ Сибири... Россія «окрестьянила» свое землевладѣніе болѣе, чѣмъ какая-либо другая цивилизованная страна въ мірѣ.

Но наряду съ этимъ, несомнѣннымъ и основнымъ фактомъ, существуетъ еще другой, столь же несомнѣнный и столь же основной фактъ, а именно: несмотря на то, что почти вся сельскохозяйственная территорія Россіи принадлежала крестьянству, въ нашей странѣ несомнѣнно *существовало малоземелье*. Это означаетъ, что *крестьянство на своей землѣ не могло использовать сколько нибудь полно своего труда*: оно было безработно въ своемъ собственномъ хозяйствѣ и не могло добыть въ немъ доходъ, достаточный для безбѣднаго существованія. И это въ *Россіи было бѣдствіемъ*, объединявшимъ ее съ Румыніей и Восточной Галиціей.

По отношенію къ этому второму факту передъ нами встаетъ рядъ вопросовъ.

Дѣло въ томъ, что во *всѣхъ* странахъ со сколько нибудь развитою хозяйственною жизнью — трудовыя хозяйства *не въ состояніи просуществовать исключительно отъ своего собственнаго хозяйства на своей землѣ*: ни труда своего сколько нибудь

^{*)} Великобританія является классической страной крупнаго землевладѣнія. Въ 1895 году число веѣхъ землевладѣльцевъ Великобританіи составляло всего 3,3% населенія. 91% всей площади сдавался въ аренду. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1900 году подъ хозяйствами отъ 0 до 40 гектаровъ земли было всего 25,76% всей культурной площади. Все эти и другія статистическія данныя требуютъ обстоятельнаго анализа и комментирования, для котораго здѣсь къ сожалѣнію нѣтъ мѣста.

полно они на своей землѣ занять не могутъ, ни достаточнаго дохода отъ своего хозяйства получить не могутъ. Это имѣеть мѣсто, на примѣръ, въ Германіи. Но въ этой странѣ «незанятый» въ собственномъ хозяйствѣ трудъ крестьянина *уходитъ на сторону*—въ промышленность, въ крупное сельское хозяйство и т. д. Тамъ незанятые члены крестьянской семьи находятъ себѣ занятіе въ качествѣ наемныхъ рабочихъ; отъ этого они получаютъ доходъ и на полученную заработную плату приобрѣтаютъ тѣ предметы личнаго и хозяйственнаго потребленія, которые не производятся въ ихъ собственномъ крестьянскомъ хозяйствѣ. И потому въ Германіи фактъ невозможности приложить полностью свой трудъ на *собственной* землѣ въ *собственномъ* хозяйствѣ, и недостаточность дохода отъ своего хозяйства для удовлетворительнаго существованія — не являлись ни личнымъ, ни тѣмъ болѣе социальнымъ бѣдствіемъ; ни безработицы, ни отсутствія экзистенць-минимума этимъ не создавалось.

Населеніе Россіи къ 1 января 1914 года, по исчисленію Центрального Статистическаго Комитета, во *всей* Имперіи составляло 178.378.800 человекъ; а въ промышленности, въ горномъ и горнозаводскомъ дѣлѣ, въ транспортѣ и строительномъ дѣлѣ было занято всего 5½ миллионъ наемныхъ рабочихъ. Иными словами: въ указанныхъ внѣземледѣльческихъ отрасляхъ было занято лишь 3,1% *всего населенія*. Ясно, что хозяйствующее населеніе Россіи было, такъ сказать, *сбито* на сельское хозяйство. Но, по исчисленію статистиковъ для 1905 года, если взять *всю* землю сельскохозяйственнаго значенія (включая и надѣльную крестьянскую землю, и землю купленную крестьянами, и арендованную ими, и землю крупныхъ владѣльцевъ, состоявшую въ ихъ собственной капиталистической обработкѣ). — то и *на всей этой землѣ около 62% всего крестьянскаго труда не могло бы найти себѣ занятія* . . .

Но такъ какъ земля сельскохозяйственнаго значенія на четыре пятыхъ (т. е. почти вся!) принадлежала крестьянству, то крестьянское населеніе вынуждено было хозяйничать главнымъ образомъ на своей собственной землѣ. И очевидно *вся* безработная масса крестьянскаго труда ложилась тяжелымъ бременемъ именно на крестьянскую землю и на крестьянское хозяйство: крестьянство должно было въ подавляющей своей массѣ кормиться на своей собственной землѣ, только ее об-

рабатывать, хотя оно и было *больше чѣмъ на $\frac{2}{3}$ безработно въ собственномъ хозяйствѣ*. Оно должно было существовать только на доходъ отъ хозяйства на своей землѣ, хотя этотъ доходъ былъ недостаточенъ даже для удовлетворительнаго продовольствованія . . .

Но эта *безработица въ собственномъ хозяйствѣ* была только *выявленіемъ и мѣрою безработицы во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи*; а недостаточность крестьянскаго дохода, не дававшего порою не только культурнаго, но даже и фізіологическаго экзистенць-минимума, была *выявленіемъ и мѣрою отсутствія экзистенць-минимума во всемъ народномъ хозяйствѣ страны*. Крестьянству некуда было «податься» со своего хозяйства и со своей земли и негдѣ было найти себѣ работу и заработокъ во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи; и потому его безработность и недостаточность его дохода въ *собственномъ хозяйствѣ* являлись *бѣдствіемъ* не только *личнымъ*, но и *соціальнымъ*. Все это было выраженіемъ и мѣрою *слабаго развитія производительныхъ силъ страны, не могущей ни занять всѣхъ рабочихъ силъ своего населенія, ни удовлетворительно продовольствовать его* . . .

Такова сложная природа *русскаго «малоземелья»*, образующаго *центральный пунктъ и основную проблему русскаго аграрнаго вопроса*.

Русское «малоземелье» есть продуктъ и слѣдствіе *всеобщаго* (т. е. не только для сельскаго хозяйства, но и для *всего* народнаго хозяйства) *относительнаго* (т. е. при *данномъ* уровнѣ развитія народнаго хозяйства, который можетъ и измѣниться) *перенаселенія*. Это значитъ, что *развитіе производительныхъ силъ* всего народнаго хозяйства *отставало отъ роста населенія*, такъ что это послѣднее (при существовавшихъ хозяйственныхъ условіяхъ) не могло ни занять свой трудъ въ народномъ хозяйствѣ, ни создать себѣ экзистенць-минимумъ . . .

Сообразно съ этой своей природой, русское «малоземелье» и проявлялось въ разныхъ сторонахъ *соціально-экономической жизни*. Напримѣръ: у крестьянства на своей землѣ производилось недостаточно хлѣба для того, чтобы продовольствоваться вволю; заработки же на сторонѣ были скудны и не было достаточныхъ средствъ для того, чтобы прикупить нужное количество продовольствія, хотя хлѣбъ и существовалъ въ странѣ. Поэтому, хотя въ странѣ и достаточно производилось

хлѣба для удовлетворительнаго прокормленія населенія, однако среднія продовольственныя нормы крестьянскаго населенія оставались въ Россіи низкими, а хлѣбъ вывозился въ большомъ количествѣ въ городъ и за границу. Само собою разумѣется, что *революція только ухудшила и притомъ значительно ухудшила все это положеніе дѣла.*

Изъ всего этого мы можемъ уже теперь сдѣлать цѣлый рядъ выводовъ.

Такъ, прежде всего, *количественная теорія русскаго малоземелья и аграрнаго вопроса должна быть оставлена.* Утвержденіе, будто все зло заключалось въ неправильномъ распредѣленіи земли между крупными владѣльцами и крестьянами, и будто достаточно измѣнить это распредѣленіе земли въ Россіи въ смыслѣ большей уравнительности, чтобы все исправилось

—эта *количественная* теорія малоземелья и этотъ *количественный* способъ разрѣшенія аграрной проблемы побивается количественными же данными и соображеніями. У крестьянства уже передъ революціей было $\frac{4}{5}$ всей сельскохозяйственной территоріи Россіи и присоединеніе оставшейся $\frac{1}{5}$ части *не могло измѣнить положенія дѣла.* Будемъ помнить о тѣхъ 62% крестьянскаго труда, которые уже въ 1905 году не могли найти себѣ занятія въ сельскомъ хозяйствѣ: эти 62% остались бы *незанятыми* и *послѣ* передачи *всей* земли крестьянству. Безработица въ собственномъ хозяйствѣ, — а въ сущности во всемъ народномъ хозяйствѣ Россіи, — и неполученіе достаточнаго дохода *остались бы попрежнему* и даже *еще увеличились бы*, такъ какъ современное крестьянское хозяйство *давало бы по прежнему меньшій урожай съ десятины*, чѣмъ тотъ, который давало владѣльческое хозяйство.

Далѣе, выше развитый анализъ показалъ намъ, что «малоземелье» въ Россіи было *продуктомъ и результатомъ* условій *всего народнаго хозяйства* Россіи: въ «малоземельѣ» отображались всѣ соціально-экономическіе и культурно-правовые недуги нашей страны. Въ чисто экономической сферѣ всѣ эти недочеты сказывались въ *слабомъ развитіи производительныхъ силъ* нашего народнаго хозяйства. Очевидно, для выхода изъ трудностей положенія необходимо было *развитіе производительныхъ силъ всего народнаго хозяйства Россіи*, какъ сельскаго, такъ и *внѣ-сельскохозяйственныхъ областей.* При этомъ землю

слѣдовало разсматривать, какъ *средство производства* и она *должна была быть использована наиболее производительнымъ способомъ*, — безразлично, въ формѣ ли капиталистическаго хозяйства, или хозяйства крестьянско-трудоваго, какъ, по обстоятельствамъ времени и мѣста, это оказалось бы наиболее рациональнымъ для народно-хозяйственныхъ потребностей и *для интересовъ Россіи въ цѣломъ*. Ни одно изъ нихъ — ни капиталистическое, ни трудовое хозяйство — не являлось въ Россіи совершенствомъ, но каждое изъ нихъ отличалось существенными особенностями и *вовполнѣ замѣнить другое не могло*.

Количественная теорія малоземелья и аграрнаго вопроса носитъ на себѣ печать *классовой односторонности*: дѣло изображалось такъ, будто *страдаетъ только одинъ классъ*, именно крестьянство. Она не учитывала или почти не учитывала *интересы національнаго цѣлага, Русскаго Государства*. Въ дѣйствительности же страдало *все* національное хозяйство. Страдала вся нація. Болѣло все государство. И эта національная болѣзнь выражалась въ недомоганіи всѣхъ частей, всѣхъ членовъ національнаго, государственнаго организма, *въ томъ числѣ и въ особенности* — крестьянства.

Какое пагубное вліяніе оказывало слабое развитіе производительныхъ силъ на финансы страны, на культуру (взять хотя бы школьное дѣло!), на промышленность (недостаточная емкость громаднаго, по численности населенія, внутренняго рынка!), на крупное сельское хозяйство (отсутствіе капиталовъ въ странѣ для веденія интенсивнаго капиталистическаго хозяйства!) и т. д. и т. д. . . И все это въ свою очередь отзывалось на положеніи крестьянства («некуда податься», безработица, недоѣданіе при наличности достаточнаго количества хлѣба въ странѣ) — и въ сущности вызывало и создавало «малоземелье»! . . .

Классовый интересъ, лежавшій въ основаніи «количественной» теоріи и практики аграрнаго вопроса, господствовавшей въ Россіи — былъ *ложнопонятый интересъ крестьянства*. Дѣйствительный же интересъ его — *солидаренъ съ интересомъ національно-государственнаго цѣлага*. *Нельзя жить только въ классѣ, необходимо жить и въ государствѣ!* Надо умѣть сочетать свои классовые интересы съ интересами цѣлага и, притомъ, — *сочетать черезъ подчиненіе*. Классъ, который поставитъ

свои интересы превыше всего и выше интересовъ государства, противопоставляя ихъ интересамъ этого послѣдняго, и окажется достаточно сильнымъ для того, чтобы осуществить ихъ на дѣлѣ. — неизбежно *разрушитъ государство, но и самъ погибнетъ . . .*

Разумъ вещей, существо дѣла съ желѣзной необходимостью требуетъ постановки аграрной проблемы — а она несомнѣнно встанетъ передъ Россіей вновь! — на *національную основу*: она должна быть разрѣшена *во имя общаго, національнаго интереса*; и тогда она будетъ разрѣшена *наилучшимъ образомъ и въ интересахъ крестьянства*. Это должно быть основнымъ принципомъ реальной, дѣловой политики въ аграрномъ вопросѣ.

Вотъ тѣ существенные выводы, которые можно сдѣлать уже въ настоящемъ очеркѣ.

Проф. В. Косинскій.
